

Щебет против России
[Shchebet v. Russia] (№ 16074/07)

Постановление от 12 июня 2008 г. [вынесено I Секцией]

Обстоятельства дела

Заявительница, гражданка Белоруссии, была задержана 20 февраля 2007 г. по прибытии в аэропорт Домодедово (Россия) с целью ее экстрадиции в Белоруссию, поскольку она была включена в перечень лиц, скрывающихся от правосудия. Милиция не оформила ее задержание. Она была помещена в камеру предварительного заключения отдела внутренних дел на транспорте и после получения факсимильного сообщения от белорусских властей содержалась там в ожидании запроса об экстрадиции. Заявительница неоднократно жаловалась в суды страны на содержание под стражей без судебного решения с превышением максимального срока, составляющего 48 часов согласно Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуальному кодексу. Однако в принятии жалоб было отказано, поскольку она не являлась участником уголовного дела в России, и в любом случае согласно применимому договору (Минской конвенции) факсимильное сообщение белорусских властей давало законное основание для ее задержания до получения формального запроса об экстрадиции. Заявительница также жаловалась российским властям на условия содержания. Она утверждала, в частности, что содержалась в камере площадью около четырех квадратных метров без туалета, постели, стола, стула и окон. Дверь камеры заменяла металлическая решетка, вследствие чего она постоянно находилась под обзором. Время от времени в камеру помещали других женщин-нарушительниц. Она также утверждала, что ее не выпускали из камеры для упражнений, и что еду ей приносили сестра и знакомый.

Государство-ответчик признало описание условий содержания заявительницы в основном правильным. Однако оно утверждало, что милиция предоставила ей матрас, взятый в гостинице, и пищу из столовой аэропорта. 23 марта 2007 г. Генеральная прокуратура обратилась за решением о взятии под стражу после получения запроса об экстрадиции из Белоруссии. Ее заявление было удовлетворено через три дня, и заявительница была переведена в следственный изолятор. Запрос об экстрадиции заявительницы в Белоруссию был позднее удовлетворен.

Вопросы права

По поводу соблюдения требований подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Европейский Суд прежде всего отмечает, что отсутствие официального документа с информацией о дате, времени и месте задержания заявительницы, а также имени задержавшего ее должностного лица должно рассматриваться как наиболее серьезное упущение, не совместимое с целью статьи 5 Конвенции. Кроме того, содержание заявительницы под стражей, узаконенное через 34 дня после ее задержания, противоречило также Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуальному кодексу, согласно которым максимальный срок задержания в отсутствие судебного решения не может превышать 48 часов. Минская конвенция, устанавливавшая, что временное содержание под стражей должно соот-

ветствовать национальной процедуре, также не давала для этого оснований. Российские власти ошибочно истолковали соответствующее положение Минской конвенции, которое не являлось основанием для содержания под стражей в течение первоначального 40-дневного срока, но устанавливало, что лицо, содержащееся под стражей в течение более чем 40 дней, должно быть освобождено, если в отношении него не поступил запрос об экстрадиции.

Постановление По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения требований статьи 3 Конвенции. Европейский Суд ранее устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции по делам, в которых заявители содержались в камерах, рассчитанных на краткосрочное содержание. Кроме того, Комитет Совета Европы по предотвращению пыток (СРТ), представители которого осмотрели камеры временного содержания в ряде московских отделов внутренних дел, указал, в частности, что эти темные, грязные, плохо вентилируемые и не имеющие обстановки помещения не могут использоваться для содержания под стражей в течение более чем трех часов.

В связи с отсутствием судебного решения о заключении под стражу заявительница не могла быть помещена в следственный изолятор и содержалась в течение 34 дней в камере, предназначенной для лиц, подвергнутых административному задержанию в течение не более чем трех часов. Она не только была мала, намного уступая предписанной СРТ площади в семь квадратных метров, но и не имела удобств, необходимых для длительного содержания под стражей. Периодически в эту крошечную камеру помещали других правонарушительниц. Тот факт, что заявительница содержалась в таких стесненных условиях, при отсутствии солнечного света, воздуха и возможности уединения, а также физических упражнений или отдыха в течение 24 часов в сутки на протяжении более чем месяца, должен был причинить ей значительные страдания. Кроме того, невозможность установить, были ли заявительница обеспечена питанием или постельными принадлежностями, объяснялась ее содержанием под стражей в отсутствие какой-либо правовой основы. Даже если милиционеры приносили ей еду, их добрая воля не заменяла очевидное отсутствие нормативной базы, регулирующей данную ситуацию. Европейский Суд заключает, что условия содержания, которые заявительница была вынуждена претерпевать в течение 34 дней, причинили ей интенсивные страдания, страх и чувство неполноценности, способные унижить и оскорбить ее, причем эти чувства обострялись лишением свободы в отсутствие законных оснований.

Постановление По делу допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции (принято единогласно).

Европейский Суд также установил, что по делу допущено нарушение требований пункта 4 статьи 5 Конвенции (см. также Постановление Европейского Суда от 11 октября 2007 г. по делу «Насруллоев против России» [Nasrulloev v. Russia], жалоба № 656/06 («Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека» [Information Note on the Case-law of European Court of Human Rights] № 101^{*}).

^{*} См., соответственно, «Бюллетень Европейского Суда по правам человека» № 4/2008.

Компенсация *В порядке применения статьи 41 Конвенции.* Европейский Суд присудил выплатить заявительнице 10 000 евро в счет компенсации причиненного морального вреда.
